

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОРАЛЬНЫХ НОРМ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ 1817–1864 гг.)

К. и. н. Салчинкина А. Р.
Д. ф. н. Хоружая С. В.

Россия, г. Краснодар,
ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет»

Abstract. *The article is devoted to the transformation of moral norms in extreme combat conditions on the example of the Caucasian war of the XIX century. Research hostilities in the Caucasus shows that the transformation of moral principles was typical of most combatants. The article reviews the common causes of all wars – the most everyday threat to human life, his health, the constant changing combat situation, long-term, often exceeding the limits of human capacity load, the loss of comrades, confrontation between sublime and base, altruistic and selfish motives. The longest war in the history of Russia gave rise to particular causes of changes in moral standards – very long, not typical for most wars, periods of calm, accompanied by boredom, monotony and lack of women. In such extreme conditions, cruelty of the enemy is often not specific personality traits, and were alienated, with an abundance of defensive motivations and character. In the Caucasus, including those dominated by «we act like them», «I'm doing everything», «fog of war», «winners are not judged». However, only a deep transformation of moral standards could lead to the fact that people lost faith and began to doubt the value and indisputability of moral commandments as «Thou shalt not kill», «Thou shalt not steal», «Thou shalt not covet the property of his neighbor», «Love your neighbor as yourself», «do not lie» and others. That is why, when the war ended, the participants hostilities began to reconsider their attitude to the Caucasian War. Peaceful life has formed in the minds of the combatants symbiosis of ideas about the enemy: along with the justification for their own violent actions appeared respect and even a certain sense of brotherhood towards the enemy. The notes and memoirs, wrote after the win, took a dominant place condescending and respectful attitude to the smallest enemy who managed to resist for so long.*

Keywords: *transformation, moral norms, combatant, Caucasian war, extreme conditions, protection motivation.*

В последнее время проблемы массовой и индивидуальной психологии комбатантов стали особенно популярными в современных социогуманитарных исследованиях, в том числе и исторических [1]. В работах рубежа XX–XXI вв. данная проблематика начинает рассматриваться на примере Кавказской войны 1817–1864 гг. [2] Однако, если психология боевых действий на Кавказе в XIX в. довольно подробно изучена в отечественной историографии, то процесс трансформации моральных норм в экстремальных условиях войны не становился объектом самостоятельного исследования.

В различных исследованиях неоднократно поднимался вопрос о том, какие психологические процессы заглушают голос нравственного общечеловеческого закона «не убий» и позволяют видеть в убийстве человека свою правоту и даже некое благородство. Во время войны трансформация моральных норм формируется в результате длительного пребывания комбатанта в обстановке боевых стресс-факторов. Русский военный психолог Р.К. Дрейлинг отмечал, что «деятельность человека-бойца во время войны носит особый характер. Она протекает в условиях не только безнаказанного уничтожения себе подобных, коль скоро они являются врагами, но и прямой необходимости и в поощряемом желании делать это как во имя конечных целей общего благополучия для своего народа, так и в целях собственного самосохранения в условиях вооруженной борьбы» [3].

Боевая обстановка на Кавказе в XIX в. способствовала эволюции психологии комбатантства [4]. В результате защитной реакции нервной системы, которая на войне без того напряжена до предела, у воинов «притуплялись чувства». В своих воспоминаниях генерал-майор В.Я. Доливо-Добровольский-Евдокимов заметил, что «...ко всему люди привыкают, и привыкают скоро. В мескинджинских садах я был уже не тот, как на завале; сердце сжималось не так крепко и нервы уже не отзывались болезненно. А после, через несколько лет, какие

побоища приходилось мне видеть! Тяжело подумать, с каким равнодушием приучаемся мы рассматривать поле битвы; его мрачный вид даже не портит веселого расположения духа, если сражение выиграно» [5].

В основном, такой «защитный барьер» вырабатывается у профессиональных военных. Врач-психолог Л.А. Китаев-Смык данное явление объясняет следующим образом: «Когда человек впервые видит убитого, часто возникает не только психологический шок, но и реакция чисто физиологического отторжения, часто начинается рвота. Организм отторгает то, что должна отвергнуть психика, протестует против аномального явления – убийства себе подобного. Потом это отторжение как бы притупляется, но до конца к смерти привыкнуть нельзя. Другое дело, что человек может утратить способность остро переживать ужас, происходит “выгорание” эмоций» [6]. Рассуждая о смерти на войне, поручик, в будущем – генерал-лейтенант Н.В. Симановский пришел к выводу, что «человек в военное время теряет почти все нежные чувства». В итоге, погибшие вызывают равнодушие, а тяжелораненые только минутную жалость [7].

Человек не в состоянии в один миг «избавиться» от своей моральной и интеллектуальной развитости, совести, высоких этических принципов и поэтому пытается подсознательным образом обойти их, взваливая все это на социальную систему. В результате действия человека продиктованы желанием в той или иной степени вписаться в действующие институционально-анонимные структуры, прикрыть личностные желания «коллективно принятыми решениями».

Боевая обстановка на Кавказе в XIX в. становилась катализатором гипертрофированной жестокости по отношению к пленным. Подвергаясь «синдрому толпы», комбатанты различных звеньев – от высшего до низшего – совершали беспощадные, неоправданные с точки зрения базовых принципов человеческой гуманности, поступки. Захваченных горцев могли прогнать сквозь строй, позволяя солдатам вымещать на противнике свою злобу.

Безусловно, что события, находящиеся на грани возможностей человеческого восприятия, не позволяли многим комбатантам конструктивно справляться с ними, и механизмы психологической защиты сознания направлялись на уход от существующих проблем. Среди этих механизмов можно выделить употребление алкоголя.

На Кавказе алкогольная политика покоилась на двух китах: с одной стороны, спирту и вину придавалось значение продукта целительного и способствующего повышению боевого духа (в критических ситуациях винную порцию увеличивали как, например, под конец Даргинской операции 1845 г.); с другой стороны, прилагались усилия к нераспространению пьянства (так, во время практически безвыходной обороны Ахты в сентябре 1848 г., капитан и комендант укрепления Новоселов, дабы пресечь обращения «слабых душ к чарочке», сам разбил «все бочки спирта» [8]).

В условиях войны защитная маскировка «как все» ведет к появлению способности противостояния деструктивным процессам, происходящим в собственной психике. Другой формой внутренней деструкции является попытка организовать свои действия таким образом, чтобы можно было сослаться на давление внешних обстоятельств («я выполнял приказ», «мы поступали, как и они»), или на ситуацию, связанную с неконтролируемостью своего поведения (эмоциональные вспышки, страхи, депрессию, усталость и т.д.).

На Кавказе и горцы, и казаки нередко проявляли взаимную жестокость. При этом поступки, укладывающиеся только в рамки деградирующего сознания, оправдывались вынужденной реакцией на действия противника. Известно, что горцы отсекали головы у своих врагов. Так, в ходе экспедиции М.С. Воронцова в Дарго геройски погиб молодой генерал Д.В. Пассек. Тело Д.В. Пассека попало к горцам. Они отрезали ему голову, надели ее на копьё и в течение нескольких дней носили по аулам как трофей победы. Данная традиция существовала у линейных казаков до половины 30-х гг. XIX в. Барон Г.Х. Засс, командир Моздокского казачьего полка, приказывал отсекал у убитых горцев головы и возить их по станицам. В своих мемуарах генерал Г.И. Филипсон описал свою встречу с Г.Х. Зассом в Ставрополе. В его санях было около пятидесяти голых черепов. За голову каждого убитого командующий войсками Кавказской линии, генерал-лейтенант А.А. Вельяминов платил ему червонец и затем отправлял черепа в Академию наук [9]. Свое право отступать от европейских норм войны русские военачальники обосновывали тем, что и противник ведет себя не по-европейски.

Кроме того, в годы Кавказской войны казаки применяли жестокие методы, борясь с многочисленными уловками горцев. На помощь сознанию приходил очередной маскирующий принцип – «сами виноваты». Поскольку в безвыходных ситуациях горцы притворялись

убитыми, казаки стали протыкать штыками лежавшие на земле тела противников, среди которых попадались не только мертвые. Подобная взаимная жестокость способствовала складыванию особого стереотипа поведения на поле боя у горцев и казаков. И те, и другие старались не оставлять убитых и раненых. По наблюдением генерала Г.И. Филиппсона, «драка за трупы и отрезание голов вошли в нравы и обычаи кавказских войск» [10].

Обстоятельства Кавказской войны включали в себя не только экстремальные ситуации боя, но и гораздо более продолжительные по времени периоды повседневного быта. На Кавказе регулярные войска и казаки находились в почти постоянном напряжении, создававшем особую психологическую атмосферу. Боевыми столкновениями сопровождалось выполнение практически всех хозяйственных дел и служебных обязанностей.

При всей сложности и опасности повседневного быта в период военных действий на Кавказе, случались и такие периоды, когда заполнить время было очень сложно. Будничная жизнь в русских крепостях на Кавказе отличалась изматывающим единообразием, особенно зимой. С утра до ночи одна и та же рутина, одни и те же предметы, одни и те же лица, к тому же только мужские. И все это в ограниченном пространстве.

В свободное от боев время офицеры и солдаты, служившие на Кавказе, могли позволить себе немного развлечений. Употребление алкоголя позволяло избавиться от скуки и забыть об опасности, которую представляли и лихорадки, и пули горцев. В приказах по Отдельному Кавказскому корпусу, подписанных генералом А.П. Ермоловым, говорилось и об азартных играх в карты, которые нередко заканчивались ссорами и побоями [11]. Авторы полковых историй рассказывали, что участников подобных конфликтов, как правило, сажали на гауптвахту, заносили штраф в формулярные списки и производили их в следующие чины только за особые отличия [12].

Алкоголь и азартные игры несколько скрашивали унылое существование, но они не избавляли от синдрома «остановившегося» времени, который возникает неизбежно, когда каждый последующий день похож на предыдущий.

В экстремальных условиях войны увеличивается количество людей, которые исповедуют принципы «ситуативной этики», где добро и зло с легкостью меняются местами в зависимости от их представлений о выгоде для себя. Боевые действия на Кавказе не стали исключением, что привело к появлению интереса к чужому имуществу. Помимо этого, распространенная в годы Кавказской войны практика разорения непокорных аулов также стимулировала бесцеремонное отношение к чужому добру и нарушению одной из неприкасаемой моральной заповеди «не укради».

Следует отметить, что в воспоминаниях, повествующих о начале военных действий на Кавказе, высказывалось негативное отношение к мародерству и описывались методы борьбы командиров с этим явлением. К примеру, генерал-лейтенант А.А. Вельяминов приказывал «при себе бить палками и нагайками солдат, пойманных в мародерстве. Он спокойно садился на барабан и назначал время, в продолжении которого должна производиться экзекуция. При этом он разговаривал с другими, пока по часам оказывалось, что прошел назначенный срок» [13].

Однако воспоминания о последних годах Кавказской войны свидетельствуют, что «захват покинутого горцами или отбитого у них имущества был приведен в систему» [14]. Будущий военный министр Д.А. Милютин, служивший на Кавказе с 1839 до 1844 гг., вспоминал, что «среди кровавого побоища, рядом с подвигами храбрости, самоотвержения, поражали и самые отвратительные сцены в занятой части населения: некоторые из солдат обирали валявшиеся трупы убитых, вытаскивали из горевших саклей всякую всячину, даже вещи ни к чему не пригодные» [15].

Один из первых историков Кавказской войны и ее участник Н.А. Волконский без осуждения писал как 10 января 1852 г. два батальона Егерского князя Чернышева полка, батальон Навагинского полка, под командой флигель-адъютанта полковника барона Николаи за четверть часа ограбили и сожгли аул Салгирей [16]. Интересны и мемуары М.И. Венюкова, российского офицера, прибывшего на Кавказ в середине XIX в. В них он вспоминал, как генерал В.А. Гейман называл солдат его батальона «боровами, разьевшимися от черкесского проса». Сам М.И. Венюков признавал, «поправиться было от чего: в течение месяца было добыто по крайней мере по 50, а может быть и более, пудов пшена на роту» [17].

Затянувшаяся Кавказская война, далекая от европейских стандартов, меняла представления в сознании комбатантов о нормах боевых действий. И если в начале XIX в. в качестве трофеев упоминались только вражеские значки и знамена, то позднее, в 1830–1840-х гг., военачальники не стеснялись указывать в числе трофеев скот, провиант и даже бурки, что

не нашло понимания у Николая I, который собственноручно вычеркнул этот фрагмент из рапорта, предназначавшегося для публикации в «Русском инвалиде» [18].

Мемуары участников Кавказской войны содержат информацию о падении нравственности среди некоторых кавказских интендантов и начальников. По их вине солдаты испытывали нужду, главным образом, в продовольствии и обмундировании, что сокращало и без того короткий солдатский век. Нередко даже высокие должностные лица поправляли собственные финансовые дела и сколачивали целые состояния. Наиболее существенную часть доходов составляли доходы от фуража. К примеру, по подсчетам М.И. Венюкова, генерал В.А. Гейман ежегодно увеличивал свое состояние минимум на 20–25 тысяч рублей за счет экономии «фуражных денег на лошадей полкового обоза», а также денег, выделяемых на покупку походных палаток и содержание больных в походных лазаретах. Бывали случаи имитации ситуаций, когда вещи, которые выдавались полку на год, сгорали или тонули. Возникали подозрения, что потери могли быть фальшивыми. Несмотря на проводимые следствия, казне приходилось вторично отпускать обмундирование [19]. Таким образом, за годы Кавказской войны часть российских офицеров и солдат в своем поведении опирались на принцип «война все спишет».

Исследование Кавказской войны 1817–1864 гг. показывает, что трансформация моральных норм было характерно для большинства комбатантов, пребывавших длительное время в экстремальных боевых условиях. Среди основ данного процесса можно выделить общие для всех войн причины – каждодневная угроза самой жизни человека, его здоровью, постоянное изменение боевой обстановки, длительные, нередко превышающие пределы человеческих возможностей нагрузки, утрата боевых товарищей, противоборство возвышенных и низменных, альтруистических и эгоистических побуждений. Самая длительная война в истории России порождала и специфические причины изменения моральных норм – весьма продолжительные, не характерные для большинства войн, периоды затишья, сопровождающиеся скукой, однообразием и отсутствием женщин.

В подобных экстремальных условиях жестокость по отношению к врагу часто не являлась особой личностной чертой, а носила отчужденный, с обилием защитных мотивировок, характер. На Кавказе среди таковых преобладали «мы поступаем, как и они», «я делаю как все», «война все спишет», «победителей не судят». Тем не менее только глубокая трансформация моральных норм могла привести к тому, что человек терял веру и начинал сомневаться в ценности и непререкаемости таких моральных заповедей как «не убей», «не укради», «не возжелай имущества ближнего своего», «возлюби ближнего своего как себя самого», «не лги» и др. Именно поэтому, выходя из состояния войны, участники боевых действий начинали пересматривать свое отношение к Кавказской войне. Мирная жизнь формировала в сознании комбатантов симбиоз представлений о враге: наряду с оправданием собственных жестоких действий появилось уважение и даже ощущение некоего братства по отношению к противнику. В записках и воспоминаниях, писавшихся после одержанных побед, доминирующее место заняло снисходительно-уважительное отношение к более малочисленному противнику, сумевшему сопротивляться так долго.

ЛИТЕРАТУРА

1. Термин «комбатант» был введен в отечественную историческую науку трудами Е.С. Сеньявской. В своих работах она раскрывает возникший в XX в. массовый социально-психологический феномен «человека воюющего», показывает, как это явление отразилось в народном сознании и повлияло на судьбу нескольких поколений россиян. См., напр.: Сеньявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. – М., 1997; Она же. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М., 1999.

2. Из работ последнего десятилетия стоит особо отметить: Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб., 2000; Дегоев В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М., 2001; Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. – СПб., 2008; Лапин В.В. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. – СПб., 2003; Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. – СПб., 2001; и др.

3. Дрейлинг Р. Военная психология как наука // Душа армия. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. – М., 1997. – С. 159–160.

4. В данной работе под «комбатантами» понимаются офицеры и солдаты Отдельного Грузинского корпуса (с 1820 г. – Отдельный Кавказский корпус, с 1857 г. – Кавказская армия), а также казаки Черноморского и Кавказского линейного войск (с 1860 г. – объединены в Кубанское казачье войско).

5. Доливо-Добровольский-Евдокимов, В.Я. Из кавказской жизни. 1848 год в Дагестане // *Осада Кавказа...* СПб., 2000. – С. 545.
6. Китаев-Смык Л.А. Любить и прощать // *Труд.* – 1995. – 19 сентября. – С. 2.
7. Дневник поручика Н.В. Симановского. 2 апреля – 3 октября 1837 г., Кавказ // Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб., 2000. – С. 412–413.
8. Доливо-Добровольский-Евдокимов В.Я. Указ. соч. – С. 551.
9. Филипсон Г.И. Воспоминания. 1837–1847 // *Осада Кавказа...* – С. 83, 105.
10. Там же. – С. 106.
11. См., напр.: Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 318. – Оп. 1.
12. Ракович. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Правый фланг. Персия. Черноморская береговая линия. – Тифлис, 1900. – С. 137.
13. Филипсон Г.И. Указ. соч. – С. 92.
14. Венюков М.И. Кавказские воспоминания. 1862–1863 // *Осада Кавказа...* – С. 606.
15. Милютин Д.А. Год на Кавказе. 1839–1840 // *Осада Кавказа.* – С. 217–218.
16. Волконский Н.А. Погром Чечни в 1862 году // *Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения.* СПб., 2001. – С. 386.
17. Венюков М.И. Указ. соч. – С. 616–617.
18. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. – СПб., 2008. – С. 267.
19. Там же. – С. 608–611.